

ЛУЧШИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Ф И Л И П П
Д Ж И А Н

О Н А

Москва
2017

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
Д41

Philippe DJIAN

ОН...

© Philippe Djian et Editions GALLIMARD, Paris, 2012

Перевод с французского *Нины Хотинской*

Разработка и художественное оформление серии *Петра Петрова*

Д41 **Джиан, Филипп.** Она : [роман] / Филипп Джиан ; [пер. с фр. Н. Хотинской]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-04-088873-3

Однажды в дом к Мишель врывается мужчина в маске, жестоко избивает ее и насилует. Когда преступник исчезает, Мишель не заявляет в полицию по разным причинам. Этот чудовищный эпизод берedit ее детские психологические травмы, пробуждает воспоминания об отце – серийном убийце. Мишель противна роль жертвы, она хочет найти насильника, но вовсе не для того, чтобы сдать полиции – нет. В Мишель проснулись скрытые инстинкты...

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-088873-3

© Хотинская Н., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

На улице было темно, и очертания
размыты. Гроза унеслась, доносились
только далекие раскаты, похожие на
грохот колес проезжающей по мосту
телеги.

Юдора Уэлти. Происшествие¹

---

¹ Новелла из сборника «Сраженный молнией»
(1941). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Я, кажется, оцарапала щеку. Она горит. Болит челюсть. Падая, я опрокинула вазу, помню, как она разбилась об пол, может быть, я поранилась осколком стекла, не знаю. На улице еще светит солнце. Тепло. Я тихонько перевожу дыхание. Чувствую, что через несколько минут накатит чудовищная мигрень.

Третьего дня, поливая сад, я увидела тревожный знак, когда подняла глаза к небу. Облако, очень выразительной формы. Я огляделась вокруг, чтобы посмотреть, не предназначен ли этот знак кому-то другому, но никого не увидела. И ничего не было слышно, только как я поливала, ни слова, ни крика, ни дуновения ветерка, ни шума машины — а ведь, видит бог, поблизости часто работает газонокосилка или трактор.

Я вообще чувствительна к проявлениям внешнего мира. Я могу просидеть взаперти несколько дней кряду, если мне почудится тревожное предзнаменование в зыбком полете птицы — возможно, под аккомпанемент прон-

зительного крика или мрачного карканья, — или если вдруг луч солнца ударит мне прямо в глаза, пробившись сквозь листву, или если я наклонюсь, чтобы дать немного денег человеку, сидящему на тротуаре, а он внезапно схватит меня за руку и выкрикнет в лицо: *Демоны, лица демонов... но ничего, я пригрожу их убить, и они мне повинуются!*.. Человек орал, без конца повторяя эту фразу с безумными глазами, не выпуская моей руки, и на обратном пути в тот день я сдала билет на поезд, моментально забыв о цели моей поездки и потеряв к ней всякий интерес, абсолютно, ибо я не кандидатка на самоубийство и не глуха к предостережениям, знаменаниям и знакам, которые мне посылают.

В шестнадцать лет я опоздала на самолет, перепив на празднествах в Байонне, и этот самолет разбился. Я долго об этом думала. И решила, что отныне буду принимать кое-какие меры предосторожности, чтобы защитить свою жизнь. Я признала, что такие вещи существуют, и пусть смеются те, кто предпочитает над этим смеяться. Не знаю, по какой причине, но знаки с неба всегда казались мне самыми верными, самыми насущными, и облако в форме буквы X — достаточно редкое явление, чтобы привлечь мое внимание вдвойне, — не могло не заставить меня быть начеку. Сама не знаю, что на меня нашло. Как я могла ослабить бдительность? Пусть даже это немного — немного ли? — из-за Марти.

Мне так стыдно. Я теперь так зла. Зла на себя. Ведь есть цепочка у меня на двери. Есть проклятая цепочка у меня на двери, как я могла об этом забыть? Я встаю и иду ее накинуть. Прикусываю зубами нижнюю губу и с минуту стою неподвижно. Если не считать разбитой вазы, никакого беспорядка не вижу. Поднимаюсь переодеться. Венсан придет к обеду со своей подругой, а у меня еще ничего не готово.

Молодая женщина беременна, но ребенок не от Венсана. Я больше ничего не говорю на эту тему. Толку все равно никакого. У меня нет больше сил с ним сражаться. И желания нет. Поняв, до какой степени он похож на своего отца, я чуть с ума не сошла. Ее зовут Жози. Она ищет квартиру для себя и Венсана и для будущего ребенка. Ришар сделал вид, что ему дурно, когда мы назвали цены на жилье в столице. Он ходил взад-вперед, ворча себе под нос, это стало у него привычкой. Я вижу, как он постарел, как помрачнел за двадцать лет. «Чего, в год или в месяц?» — фыркнул он, нахмурившись. Он был не уверен, что найдет деньги. В то время как считается, что я обеспечена солидным и регулярным доходом.

Естественно.

— Ты же хотел сына, — сказала я ему. —
Вспомни.

Я ушла от него, потому что он стал невыносим, а сегодня он невыносимее, чем когда-

либо. Я уговариваю его снова начать курить или даже бегать, чтобы выветрилась эта едкая горечь, которая так и прет из него почти постоянно.

— Извини, но не пошла бы ты, — говорит он мне. — Как бы то ни было, я сейчас на мели. Я думал, он нашел работу.

— Я не знаю. Поговори с ним об этом сам.

С ним я тоже устала бороться. Больше двадцати лет моей жизни я провела с этим мужчиной, но иногда спрашиваю себя, откуда у меня взялись на это силы.

Я напускаю ванну. Щека у меня красная, даже слегка желтоватая, как обожженная глина, капелька крови выступила в уголке рта. Я сильно растрепана — из-под заколки, которой были скреплены волосы, вывалилась добрая их часть. Я насыпаю в ванну ароматической соли. Сущее безумие, ведь уже пять часов, а с этой девушкой, Жози, я толком не знакома. Не знаю, что о ней и думать.

Свет, однако, льется в окна, невероятно красивый и мягкий, такой далекий от малейшего намека на угрозу. До чего трудно поверить, что такое случилось со мной под таким синим небом, в такую дивную погоду. Ванная залита солнцем, я слышу визг, детские игры вдали, горизонт подернут дымкой, птицы, белки и т. д.

Как хорошо! Ванна чудесна. Я закрываю глаза. Через некоторое время я не могу, конеч-

но, сказать, что смыла все, но полностью при-
шла в себя. Ожидавшаяся мигрень миновала.
Я звоню в кулинарию и заказываю суши.

Бывало мне и похуже с мужчинами, кото-
рых я сама выбирала.

Я прохожусь пылесосом, собрав самые
крупные осколки вазы, там, где упала, — от
мысли, что несколько часов назад я лежала
здесь с бешено колотящимся сердцем, мне
становится нехорошо. И вот, когда я собира-
юсь налить себе стаканчик, приходит сообще-
ние от Ирен, моей матери, которой семьдесят
пять лет и которую я не видела — и не полу-
чала от нее вестей — уже месяц. Она пишет,
что я ей приснилась, что во сне я звала ее на
помощь, — а я ее вовсе не звала.

Венсана, похоже, не вполне убедила моя
выдумка. «Твой велосипед в отличном состоя-
нии, — говорит он мне. — Странно все-таки».
Я смотрю на него, потом пожимаю плечами.
Жози вся пунцовая. Венсан живо хватает ее
за руку и заставляет отложить орешки. Она,
кажется, поправилась уже килограммов на
двадцать.

Они совсем не смотрятся вместе. Ришар,
который ничегошеньки в этом не понимает,
уверял меня, что такие девушки часто доки в
постели — что такое *дока в постели*? Пока же
она ищет трехкомнатную квартиру в сто ква-
дратных метров минимум и в интересующем

ее квартале, а такого не найти меньше чем за три тысячи евро.

— Я послал резюме в «Макдоналдс», — говорит он. — Там поглядим.

Я призываю его не отступать на этом пути — или даже попытать что-нибудь посерьезнее, почему бы нет. Содержать беременную женщину недешево. «Тебе лучше это знать», — сказала я ему сразу, еще до того как он нас познакомил. «Я не спрашиваю твоего мнения, — ответил он. — Плевать я хотел на твое мнение».

Он так ведет себя со мной с тех пор, как я ушла от его отца. Ришар — прирожденный трагик. А Венсан — его лучший зритель. Когда мы встаем из-за стола, он снова смотрит на меня с подозрением. «Да что с тобой? Что не так?» Я, конечно, продолжаю об этом думать, эти мысли не оставляли меня весь обед. Я спрашиваю себя, выбрали ли меня случайно или выследили, может ли это быть кто-то, кого я знаю. Их разговоры о квартплате, о комнате для ребенка мне неинтересны, но меня восхищает то, что они проделывают — пытаются проделать — этот фокус, состоящий в том, что их проблема становится моей проблемой. Я смотрю на него с минуту, пытаюсь представить выражение его лица, если бы я рассказала ему, что со мной случилось сегодня днем. Но это не в моей компетенции. Представлять себе реакции моего сына мне больше не дано.

— Ты что, подралась?

— Подралась, Венсан? — Я слегка прыскаю. — Подралась?

— Сцепилась с кем-нибудь?

— О, послушай, не глупи. У меня нет привычки «сцепляться» с кем бы то ни было.

Я встаю и выхожу к Жози на веранду. На воздухе хорошо, но, несмотря на вечернюю прохладу, она обмахивается, потому что ей душно. Последние недели всего ужаснее. Я не пошла бы на это еще раз ни за что на свете. Живот бы себе взрезала, лишь бы положить конец пытке. Венсан это знает. Я никогда не пыталась приукрасить этот эпизод. Всегда хотела, чтобы он знал. И не забывал. Моя мать то же самое говорила мне, и я от этого не умерла.

Мы смотрим на небо, в его звездную черноту. Я поглядываю краем глаза на Жози. Я виделась с ней раз шесть, не больше, и мало что знаю. Она не неприятна. Зная Венсана, моего сына, я ее жалею, но есть в ней что-то каменное, холодно-упрямое, и я думаю, что она справится, если даст себе труд. Я чувствую, что она крепкая, что в ней таится сила.

— Значит, в декабре, — говорю я ей. — Уже скоро.

— Он прав, — замечает она. — Вы в полном раздрае.

— Нет, вовсе нет, — отвечаю я. — Он меня плохо знает.

Я запираю за ними дверь. Обхожу первый этаж, вооружившись топориком для мяса, проверяю все двери и окна. Запираюсь в спальне. Когда ее начинает заливать рассвет, я так и лежу, не сомкнув глаз. Утро голубое, сияющее. Я спешу к матери. В ее гостиной натыкаюсь на молодого парня, атлетически сложенного, но совершенно заурядного.

Я спрашиваю себя, был ли тот, кто напал на меня вчера, похож на него, — помню я только маску с прорезями для глаз, да и то уже не могу припомнить, синяя она была или красная, — похож ли он на этого типа, который с удовлетворенным видом подмигивает мне, покидая квартиру моей матери.

— Мама, да сколько ты ему платишь, что за убожество!.. — говорю я. — Ты не могла бы его сменить? Не знаю, встречайся с интеллектуалом или с писателем. Тебе же не нужен жеребец, я полагаю. В твоём возрасте.

— Не пытайся меня поддеть. Мне не приходится краснеть за мою сексуальную жизнь. Ты просто стерва. Твой отец прав.

— Мама, хватит. Не говори мне о нём. Ему хорошо там, где он есть.

— Да что ты говоришь, детка?! Конечно, нет, твоему отцу нехорошо там, где он есть. Он сходит с ума.

— Он *сошел* с ума. Поговори с его психиатром.

Она угощает меня завтраком. Кажется, она еще что-то себе подправила с прошлого раза. Или просто накачала ботоксом, или, уж не знаю, что, не важно. Она коренным образом изменила свою жизнь, с тех пор как ее муж — он же, к несчастью, мой отец — сел за решетку, — хоть она и трудилась на благое дело в первое время. Бесстыдница, да и только. Она истратила много денег на пластическую хирургию в последние годы. Иногда, при определенном освещении, она меня пугает.

— Ладно. Чего ты хочешь?

— Чего я хочу? Мама, это ведь ты мне позвонила.

Она с минуту смотрит на меня, не реагируя.

Потом наклоняется ко мне и говорит:

— Подумай хорошенько, прежде чем ответить. Не отвечай сгоряча. Подумай хорошенько. Что ты скажешь, если я снова выйду замуж? Подумай хорошенько.

— Я тебя убью, очень просто. И думать не надо.

Она тихонько качает головой и, закинув ногу на ногу, закуривает сигарету.

— Тебе всегда нужна была стерильная версия жизни. Темные, аномальные стороны тебя всегда пугали.

— Я тебя убью. И избавь меня от твоей та-
рабарщины. Ты предупреждена.